

Ольга Малинова

Vera Michlin-Shapir. Fluid Russia: Between the Global and National in the Post-Soviet Era. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press, an imprint of Cornell University Press, 2021. 264 pp. ISBN 9781501760549.

Ольга Малинова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Мясницкая, 20, Москва, 101100, Россия. omalinova@hse.ru.

Теме кризиса идентичности в постсоветской России посвящено немало исследований, однако книга израильского политолога Веры Михлин-Шапир позволяет взглянуть на эту проблему под другим углом. Задаваясь вопросом о том, почему кризис не удалось преодолеть ни в 1990-х, ни в 2000-х, ни даже после 2014 года, на фоне национального сплочения по поводу присоединения Крыма и введения западных санкций, автор книги ищет объяснение в общей тенденции размывания институтов, характерной для позднего модерна. После распада СССР Россия включилась в темпоральный контекст глобализации – мир, открытый перетеканию через границы капиталов, товаров, труда и создающий новые возможности для путешествий, развития коммуникационных технологий, поиска информации и т. п. Вхождение в этот мир происходило под флагом неолиберальной идеологии, вдохновлявшей на быстрые экономические реформы. Михлин-Шапир пытается показать, как существенно это обстоятельство повлияло на формирование постсоветской национальной идентичности.

Разумеется, прежние факторы, затруднявшие формирование стабильной идентичности (невозможность конструирования однозначных категорий идентификации в имперском контексте и неопределенность позиционирования России на оси координат «Запад – Восток»), никуда не исчезли. Однако определяющее влияние на дестабилизацию российской идентичности, по мнению Михлин-Шапир, оказали именно обстоятельства, характерные для эпохи позднего модерна. Этот термин она использует вслед за Зигмунтом Бауманом и Энтони Гидденсом. Три десятилетия «кризиса идентичности» в России совпали с глобальными процессами, кардинально изменившими отношения между государствами, гражданами и национальными идентичностями. Это делает российский опыт не уникальным, ибо другие страны тоже сталкиваются с подобными проблемами, хотя и в иных контекстах.

Доказывая, что кризис идентичности – это не временная стадия, связанная с непреодоленными последствиями распада СССР, а динамическое состояние, не имеющее предопределенной траектории, Михлин-Шапир исследует, как то, что она называет *нестабильной¹ русскостью/российскостью*, переживается в социальном опыте. Основываясь на теории позднего модерна, она выдвигает и проверяет гипотезу о том, что в духе позднемодерных тенденций русская/российская национальная идентификация становится более инклюзивным проектом, отража-

¹ Слово fluid в заглавие книги можно перевести как «изменчивая, нестабильная, текучая».

ющим многоэтничный состав сообщества, но дополненный характеристиками, связанными с русской этничностью, – русским языком, культурой и православием. Правда, нужно уточнить, что проверку гипотезы Михлин-Шапир понимает скорее в духе старой школы *Soviet/Russian studies* – как выявление степени соответствия эмпирической действительности теоретической рамке, а не как строгую логическую процедуру, как это принято в мейнстриме политической науки. Предметом ее анализа оказываются три сферы, движимые разными социальными агентами: законодательное регулирование гражданства, осуществляемое властвующей элитой, дискуссии о национальной идентификации, представляющие собой полилог медиаэлит, и трансформация праздничного календаря, направляемая элитами, но закрепляемая массовыми практиками.

В двух главах первой части книги, посвященной политике гражданства, Михлин-Шапир рассматривает эволюцию российского законодательства при Борисе Ельцине и при Владимире Путине. После распада СССР Российская Федерация оказалась частью принципиально нового миграционного пространства, возникшего благодаря свободе передвижения и либерализации рынков труда и жилья. И то, и другое Михлин-Шапир считает явлениями, присущими позднему модерну. Россия стала центром притяжения гетерогенного по этническому составу населения бывших союзных республик, что способствовало фрагментации института гражданства – снижению его роли в определении национальной принадлежности индивидов и защите их прав, появлению де-факто двойного гражданства и бюрократической серой зоны практик, связанных с нелегальной иммиграцией. Вместе с тем с середины 1990-х и в еще большей степени – с 2000-х правительство пыталось исправлять недостатки российского законодательства о гражданстве, ставя во главу угла проблемы этнических русских или русскоговорящих в бывших советских республиках. Однако ни либеральное законодательство ельцинского периода, плохо применявшееся на практике, ни более жесткие правила начала 2000-х годов, ни их последующие корректировки, ни меры по поддержке соотечественников не помогли преодолеть эрозию института гражданства. По мнению Михлин-Шапир, причина неудач в том, что российская политика гражданства не принимала в расчет обстоятельства позднего модерна, когда люди перемещаются по собственному усмотрению, в расчете на лучшие экономические перспективы, а гражданский статус оказывается не главным фактором принятия решений. Нестабильное гражданство – явление, наблюдаемое не только в России, хотя здесь оно усугубляется недавним распадом империи и непрозрачными бюрократическими практиками. Вопрос о том, какой могла бы быть «хорошая» политика гражданства при таких условиях, в книге не обсуждается. Но вопрос о том, почему российские законодатели столь упорно стремились к жесткому регулированию гражданства и миграции, несмотря на очевидную неэффективность такого подхода, ставится. Михлин-Шапир предлагает два объяснения. Первое связано с приверженностью властвующей элиты современной концепции суверенитета, предполагающей осуществление власти внутри заданных границ. Второе – с тем, что в отсутствие хороших решений регулирование миграции становится предметом символических манипуляций, направленных на имитацию стабильности и порядка.

Вторая часть книги посвящена формированию российской идентичности в дискурсах медиа. Разбитая также на две главы, посвященные ельцинскому и путинскому периодам, она, на мой взгляд, менее убедительно справляется с проверкой заявленной гипотезы, поскольку выводы делаются на ограниченном материале, критерии отбора которого не вполне последовательны. Наблюдения относительно ельцинского периода сделаны на основании анализа текстов «Московских новостей», «Независимой газеты», «Новой газеты» и «Известий»; путинский период изучался на материалах той же «Новой газеты» и «Известий», а также ток-шоу Владимира Соловьева. Этот выбор очевидно асимметричен: 1990-е изучались исключительно на основе печатных СМИ, имевших ограниченную аудиторию, что, скорее всего, объясняется практическими причинами – телепередачи этого периода по большей части недоступны онлайн. Не менее существенно то, что в выборке отсутствуют издания националистической направленности (например, газета «Завтра», издающаяся с 1993 года не менее стабильно, чем «Новая»). Тем не менее, с поправкой на эти ограничения, книга Михлин-Шапир предлагает ряд интересных наблюдений относительно конструирования российской идентичности в медиа.

Во-первых, она справедливо обращает внимание на то, что, несмотря на ограничения свободы слова, последовательно вводившиеся в 2000-е и 2010-е, российские медиа, включившись в глобальное информационное пространство, оставались ареной диалога и артикулировали разные представления о российской идентичности.

Во-вторых, Михлин-Шапир обнаруживает, что в начале 1990-х в газетах, ставших предметом ее анализа, тема национальной идентификации редко обсуждалась в российском контексте. Она больше ассоциировалась с национальными движениями и конфликтами на постсоветской периферии и связанными с ними угрозами безопасности. Дискуссии на эту тему вернулись в мейнстримную повестку в середине 1990-х. На примерах инициированного Ельциным обсуждения национальной идеи и интервью Никиты Михалкова, опубликованного в 1998 году, Михлин-Шапир делает вывод о том, что дискурс о национальной идентификации оставался многоголосым и инклюзивным по отношению к нерусским этническим группам.

В-третьих, в книге показано, что, несмотря на сохранение диалога, определенная стандартизация дискурса через возвращение «авторитетного голоса» режима имела место. Анализируя ток-шоу Соловьева («К барьеру» на телеканале НТВ в 2003–2009 годах и «Поединок» на телеканале «Россия-1» в 2010–2017 годах), Михлин-Шапир демонстрирует, что этот формат, обязанный своим появлением глобализации, предполагал свободу говорения, но не высказывания, ибо участники подвергались манипуляции со стороны ведущего. Впрочем, контрдискурс был представлен, хотя и с серьезными ограничениями, наряду с проправительственным. В этих условиях одним из инструментов манипуляции стало намеренное размывание смыслов: Михлин-Шапир обращает внимание на то, что участники ток-шоу употребляют слова в очевидно разных значениях, а ведущие этому не препятствуют. Такую дискурсивную технику, способствующую утрате

уверенности в возможности однозначного различения правды и лжи, Михлин-Шапир называет русским словом «вероломство» (по-видимому, используя его буквально – «разрушение веры»). Подрывая способность людей действовать критически, такая дискурсивная техника облегчала манипуляцию общественным сознанием, одновременно она формировала ощущение неопределенности, противоречащее официальным рассуждениям о стабильности. В конечном счете, по мнению Михлин-Шапир, этот опыт доказывает, что в позднемодерном контексте невозможно создать такое же чувство нормальности, как в советском: поскольку невозможно заглушить разные голоса, дискурс о национальной идентификации остается полилогом.

Третья часть книги, тоже состоящая из двух глав, посвящена трансформации государственных праздников. По мысли Михлин-Шапир, отмечавшиеся многими исследователями натяжки, к которым привело реформирование праздничного календаря при Ельцине и Путине, также можно объяснить погружением России в темпоральность позднего модерна. С распадом СССР модернистский календарь, основанный на идеологически заданной оси времени, распался, а с ним исчезло и чувство нормальности, связанное с солидарностью, чувством общности, возникающим в праздничных практиках. Несмотря на то, что почти все советские праздники (кроме 7 Ноября) остались, они перестали выполнять прежние функции. И это связано не только с трансформацией их смысла, но и с тем, что в позднем модерне праздники становятся предметом обсуждения, оспаривания, государства отказываются от идеологической монополии, и люди сами решают, что праздновать и как.

Михлин-Шапир разделяет праздники на три категории – относящиеся к политическому, личному/локальному и религиозному календарю. Анализ практик, связанных с Рождеством и Пасхой, позволяет ей продемонстрировать роль православия как инструмента этнической идентификации: то обстоятельство, что эти религиозные праздники широко отмечаются не только воцерковленными, позволяет рассматривать их как банальную практику национальной идентификации.

В конечном счете Михлин-Шапир пытается доказать, что, вопреки преобладающему в научной литературе мнению, перипетии постсоветской российской идентичности не исключительны, но нормальны для позднего модерна. То, что переживается как кризис идентичности, в действительности является трансформацией ее в условиях открытости глобальному миру. И хотя неолиберальные практики 1990-х годов, благодаря которым вступление России в этот мир состоялось, оказались недолговечны, даже в 2000–2010-х она не вернулась к закрытости. Результатом трех постсоветских десятилетий стала нестабильная российскость/русскость, фрагментированная и гибкая. По мнению Михлин-Шапир, такая модель национальной идентификации сохранилась даже после присоединения Крыма в 2014 году: поскольку процесс оказался бескровным и был максимально удобен для мобилизации с помощью медиа, вызванное им патриотическое сплочение можно рассматривать скорее как «часть позднемодерных тенденций», «нежели как реваншистское национальное пробуждение» (с. 183).

Читая книгу Михлин-Шапир после 24 февраля 2022 года, я не могла не задаваться вопросом о том, в какой мере предложенные в ней объяснения трансформаций российской идентичности выдерживают проверку новым контекстом, официально именуемым специальной военной операцией в Украине. Такой ли не безобидной и «не реваншистской» была национальная мобилизация 2010-х, если в 2022-м она обернулась достаточно массовой поддержкой военных действий на территории соседней страны, по крайней мере на начальном этапе? Что будет происходить с «нестабильным гражданством» в условиях нарастания изоляции от Запада и частичного перераспределения миграционных потоков? Сохранится ли медийный полилог о национальной идентификации в условиях очевидного сужения легальной части идеологического спектра и секьюритизации многих тем? Не приведут ли размежевания, связанные с оценкой текущей ситуации, к еще большей фрагментации практик празднования? Едва ли ответы на эти вопросы окажутся отрицательными: очевидно, что новый контекст существенно меняет сложившиеся паттерны национальной идентификации. Но очевидно и то, что, основательно вкисив опыта позднего модерна, Россия едва ли полностью от него откажется: она останется частью глобального мира и будет искать какие-то способы существования в нем. В этом смысле книга Михлин-Шапир может оказаться полезным путеводителем по новой реальности, предостерегая от упрощенных интерпретаций в логике «возвращения к советскому» и побуждая искать в действиях адаптирующихся к ней социальных акторов позднемодерную логику.